

ЮТТА ГАЙ

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГ

КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ
СЕБЯ ПОСЛЕ ЛЮБВИ,
КОГДА МИР РУШИТСЯ,
А ДУША ВОЕТ
ВОЛЧИЦЕЙ

СЕЙШЕЛЬСКИЙ РОМАН

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ
О ЛЮБВИ, ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ
И ПУТИ К СЕБЕ

И ДАЖЕ БРИЛЛИАНТ,
УПАВШИЙ В ПЕПЕЛ, ОСТАЁТСЯ БРИЛЛИАНТОМ

Ютта Гай

Сейшельский роман

<https://litres.ru/73931876>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Сейшельский роман» — это не выдуманная история, а реальный, прожитый опыт женщины, прошедшей через ад предательства, возродившейся из пепла и встретившей любовь, которая перевернула всё. Эта книга — трансформационный роман-откровение для женщин, переживших сильные, всепоглощающие чувства и оставшихся брошенными, растоптанными, забытыми.

Автор, практикующий клинический психолог, не просто рассказывает историю — она проводит читательницу по всем этапам исцеления: от разрушительного самоотречения и иллюзорных замков до обретения истинной ценности себя. Эта книга о том, как не потеряться после любви, когда мир рушится, а душа воет волчицей. Как найти в себе силы, когда кажется, что всё кончено. Как превратить боль в мудрость, одиночество — в целостность. Через призму квантовой психологии, сакральных знаний и живой, трепетной прозы автор показывает: самые тёмные ночи даны нам для того, чтобы мы наконец увидели собственный свет. И даже бриллиант, упавший в пепел, остаётся бриллиантом.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сейшельский роман

Глава

Многие умы — и убеждённые седидами медики, и чуткие психологи, и даже поэты, уставшие прятаться за кружевом бесплодных метафор, — склоняются к тихому, почти еретическому соглашению: молния всепоглощающего чувства, того самого, что разрывает душу на куски и собирает её заново, возможна лишь в юности, когда мир ещё не накрылся куполом цинизма.

И встречи эти, как нам услужливо объясняют, вершит вовсе не слепой случай и не загадочный космический резонанс душ, а грубый, почти механический закон биохимии. У «молодых сердец» гормоны синтезируются стремительно, яростно, словно альпийская лавина, сходящая в пропасть: дофамин бьёт фонтаном, взрывая реальность мириадами ослепительных искр, серотонин танцует в венах зажигательную сальсу, а вездесущий окситоцин, подобно невидимой паутинке, пронизанной утренним светом, связывает двух незнакомцев в мгновение ока, обещая им вечность. Именно поэтому в юности любовь настигает внезапно, как тропическая гроза над Сейшельскими островами: ярко, оглушитель-

но, сметая остатки логики и не оставляя времени на спасительное бегство.

Но у тех, кому «за сорок» — а то и далеко «за пятьдесят», — у тех, кто уже прошёл сквозь горнило жизни: через огонь отрезвляющих потерь, сквозь ледяную воду равнодушия и сияющие медные трубы успеха, кто познал горьковатый вкус предательства и леденящую душу цену истинного одиночества, кто давно ступил на зыбкую тропу созерцания, внутреннего покоя и осознанного, выверенного выбора, — у таких, умудрённых и слегка уставших, якобы уже нет никакого «права» на подобное чудо. Их тела «тише», сердца — словно старинные каминные часы, бьющие размеренно и осторожно, опасаясь потревожить хрупкую тишину зрелости. А эмоциональные гормональные всплески, эти девятые валы, накрывающие с головой, давно уступили место сухому, как осенний гербарий, рассудку и прагматичному здравому смыслу.

Психологи до сих пор учат нас, с менторской непрекращаемостью раскладывая живое чувство по стерильным пробиркам, что настоящая любовь обязана пройти четыре фазы — от первого химического взрыва, ослепляющей страсти, через неизбежное, горькое разочарование и вязкую бытовую обыденность (когда партнёр вдруг предстаёт «просто человеком», сбросив нимб божества, превращаясь в земное существо из плоти и недостатков), к постепенному, трудовому, почти архитектурному выстраиванию стабильности, и лишь

затем — к зрелой, глубокой, величественной любви, напоминающей не шторм, а мощное океаническое течение. Но наш случай... Наш случай — дерзкий, не поддающийся систематизации — выходит за всякие рамки. За границы гормональных карт, расчерченных карандашом циников, за пределы навязанных возрастных норм, за каменные стены клинических диагнозов и удушливых социальных ожиданий.

Это не история о юношеском увлечении, вспыхнувшем и погасшем, как спичка на ветру. Это — встреча двух целостных, уже проживших свои жизни, знающих себе истинную цену людей, которых Вселенная свела на Сейшельских берегах не вопреки возрасту, а именно благодаря ему, словно награждая за пройденный путь. И я хотела бы поделиться этой волшебной историей — не как досужим вымыслом, а как живым, трепещущим на ладони доказательством того, что великая любовь не умирает с годами. Она, словно драгоценное вино в подвалах времени, терпеливо ожидает — пока ты наконец станешь тем, кем должен быть, чтобы достойно, без страха и суеты, принять её в любое мгновение, сбросив оковы рамок, ограничений и предрассудков.

Предисловие

Но эти двое — сквозь немислимые расстояния, измеряемые не километрами дорог, а тектоническими разломами судеб, и сквозь неумолимое время, что обычно стирает чувства без остатка, как океанские волны, слизывающие сле-

ды на мокром песке, превращая их в ничто, смогли встретиться. Встретиться не по слепой прихоти случая, а по зову той самой Вселенной, что, по словам проницательного физика Джона Уилера, «не существует вне наблюдателя», ибо «мы — соучастники создания реальности через священный акт осознания». Именно их встреча, вспыхнувшая на изумрудных Сейшельских берегах, стала актом квантового выбора: из бесконечного, мерцающего мириадами огней поля потенциальных возможностей они выбрали друг друга — и этим выбором, подобным рождению сверхновой, озарили мир своим немеркнущим светом.

Изложив и старательно, с почти молитвенным трепетом записав эту удивительную историю на бумаге, каллиграфически выводя букву за буквой своей любимой чернильной ручкой, ощущая, как мягкое золото пера скользит по шероховатой фактуре листа, я в каждом завитке, в каждой тончайшей линии рисовала историю — но не просто историю, а божественный путь. Путь света, пронзающего крошечную тьму сомнений, и путь любви, торжественно шествующей по грешной земле с гордо поднятой головой, неся в своей груди, словно в драгоценной дароносице, священную память о том, что любовь — не слабость, не сентиментальный рудимент, а великая, всесокрушающая сила, способная изменить саму гравитацию человеческих судеб. И я сейчас хочу поведать вам об этой встрече и волшебной истории в канун Нового года, когда всё пространство буквально пропитано та-

инством, вибрируя от предвкушения чуда, а воздух искрит-ся, словно в нём растворили толчёное стекло звёзд — поведать не как о магической сказке на ночь, а как о неопровержимом, живом доказательстве того, что даже в крошечную эпоху цинизма, в век прагматиков и скептиков, истина всё ещё может родиться в сердцах двух людей, решивших смотреть друг другу в глаза без страха, без масок и без упрёка.

Многие скептики, усмехаясь в унисон, скажут, что есть его величество Случай — тот невидимый шут, карнавальная заводила, который подталкивает тебя к двери в тот самый миг, когда она вот-вот с лязгом захлопнется перед твоим носом или, наоборот, должна распахнуться, явив тебе огромное, пугающее своей широтой поле возможностей. Тот самый случай, что заставляет твой рассеянный взгляд упасть на незнакомого человека в безликой толпе — и вот ты уже не можешь дышать, и вот ты уже проводишь с ним всю свою жизнь, сплетаясь корнями и кронами. Ну, или эта встреча становится судьбоносной вехой, точкой невозврата, разделившей время на «до» и «после». Они твердят, что всё в мире происходит случайно, хаотично, словно броуновское движение пылинок в солнечном луче, и главное — лишь оказаться в нужное время и в нужный час, вытянув счастливый лотерейный билет бытия. Но я бы хотела разобрать эти волшебные события, эти судьбоносные встречи — те, что, как молния в чистом небе, перечёркивают прежнюю карту бытия и чертят новую, — не через капризную призму фортуны,

вертящей своё колесо, а через строгий и вместе с тем мистический язык квантового поля, где всё есть суть, вибрация, намерение и акт чистого наблюдения.

Наука давно и безвозвратно ушла от примитивной идеи «случайного столкновения атомов». Уже в далёком 1927 году Вернер Гейзенберг, один из отцов-основателей квантовой механики, явил миру свой принцип неопределённости, показав: частица не имеет определённого положения, она мерцает в вероятностном тумане, пока на неё не направят взор наблюдателя. То есть — реальность пребывает в состоянии дымки, в суперпозиции бесчисленных возможностей, пока сознание не сделает свой решающий выбор, не обрушит волновую функцию в конкретное «здесь и сейчас».

Именно так в нашем мире и формируются те самые «чудесные» встречи. Не только потому, что звёзды сошлись над головой неожиданным, причудливым узором — хотя, возможно, и это сыграло свою небесную партию, — но и потому, что душа, спрессованная годами бесплодных поисков и невыплаканной боли, наконец выпускает в пространство непоколебимое, острое, как луч лазера, намерение: «Я готова. Я открыта. Пусть придёт то, что предназначено мне по праву рождения».

Как писал Джон Кехо, автор «Квантового воина»: «Мир, который вы видите, — это отражение того, во что вы верите на уровне подсознания. Намерение — не желание. Намерение — это состояние бытия». Оно не просит, оно знает.

В один день — тот самый, что потом будешь вспоминать с тихим трепетом, как день рождения новой себя, переступившей порог старой жизни, — волшебство не приходит извне, не спускается по взмаху дирижёрской палочки. Оно раскрывается изнутри, мягко, но неумолимо, как экзотический цветок, дождавшийся первого луча солнца после долгой полярной ночи. Оно становится частью пути не потому, что тебе сказочно «повезло», а потому, что ты в какой-то момент перестала сопротивляться потоку жизни. Открыла своё сердце — не в банально-романтическом смысле, не для очередного увлечения, а как акт глубочайшей, почти сакральной смелости: позволила миру войти в тебя без фильтров страха, без мутных линз пережитого прошлого и без изматывающих условий.

Тогда квантовое поле, эта незримая, пульсирующая паутина, связующая всё сущее, становящаяся частью единого информационного пространства, в котором, по словам физика Дэвида Бома, «Всё содержит всё», откликается. Оно не «дарит» случайную встречу, словно милостыню, — оно раскрывает именно ту грань реальности, что всегда была возможной, но ждала, затаившись в складках времени, пока ты перестанешь изводить себя сомнениями в собственном достоинстве быть любимой.

Именно так и начинается путь, где волшебство — не исключение, не нарушение законов природы, а абсолютно чёткий, хоть и невидимый глазу, закон мироздания. Знаешь ли

ты эти тонкости или нет, ощущаешь ли трепет квантовых струн под пальцами или живёшь в блаженном неведении, — квантовый мир существует независимо от степени твоих познаний, удерживая звёзды на небесах и соединяя сердца, которым суждено биться в унисон.

В конце концов, история нашей героини Амалии — это не просто история о разрыве и восстановлении, не просто хроника падения и взлёта. Это — торжественный гимн женской силе, самопознанию и той сокровенной внутренней трансформации, что вершится в тишине, вдали от посторонних глаз. Она доказала всей своей жизнью, каждым выдохом и каждым шагом, что истинное освобождение начинается не с внешних перемен, а с любви к себе — той самой, бескомпромиссной, выстраданной, — с принятия собственной ценности и готовности выбрать собственный путь, даже если этот путь лежит через тернии одиночества и требует мучительного, но благодатного личного роста. Её путешествие — это напоминание каждому, кто держит сейчас эту книгу в руках, что мы сами являемся авторами своей жизни, и только от нас, свободных и дерзновенных, зависит, какую главу мы напишем дальше, как и с кем.

Итак...

Наша героиня, как я уже сказала ранее, — с волшебным именем Амалия, которое звучит как шёпот предков, доно-

сящий сквозь густую листву священных рощ древней Германии, как эхо рыцарских баллад и мягкий перезвон серебряных колокольчиков на ветру, — с самого детства начала искать себя. Не в зеркале, не в чужих оценках, не в мимолётном одобрении, а в глубине того вечного, неотпускающего вопроса, что стучал в груди сильнее, чем её собственное сердце: «Кто я? Зачем я здесь? Для чего мне дарована эта жизнь?»

У неё всё началось ещё в школьные годы — не в хаосе бесцельных метаний, а в чётком, почти военном ритме спортивной школьной пятидневки, где каждый день, словно нота в гениальной партитуре, начинался с зарядки под бодрый свист тренера, продолжался изнуряющими тренировками и обязательным посещением бассейна, где вода пахла хлоркой и будущими победами. Занятия по синхронному и спортивному плаванию, где тело училось быть одновременно сильным и грациозным, как у мифической ундины, завершались строго по расписанию, выверенному до минуты, без права на слабость.

Эта школа была не просто местом учёбы — она была кузницей характера, где воспитывалась железная дисциплина и та редкая, негнушающаяся самодисциплина, что отличает истинных воинов духа. Именно здесь, в прохладных коридорах, пропахших потом и стремлением, у нашей героини сформировалась привычка к порядку, феноменальная выдержка и любовь к системности — те самые драгоценные качества, ко-

которые позже станут несокрушимым фундаментом её личной и профессиональной жизни.

Но, помимо изнурительной физической подготовки, с ранних лет её по-настоящему и глубоко, до самозабвения, увлекала медицина. Пока сверстники беззаботно играли на переменах, сотрясая воздух криками, она часами пропадала в тишине школьной библиотеки, увлечённо листая тяжёлые, пахнущие пылью и временем тома медицинских энциклопедий и атласов по анатомии человека. Её завораживали не просто мёртвые названия органов, а великая логика тела — как алая кровь, повинаясь невидимому дирижёру, движется по сосудам, как нервные импульсы, подобно электрическим молниям, рождают движение, как устроено сердце — этот божественный насос, способный биться миллионы раз без остановки, не зная отдыха.

Она учила наизусть сложнейшие схемы, перерисовывая их тонкой ручкой в свою заветную тетрадку, выводя каждую мышцу и косточку с любовью миниатюриста. Она задавала учителям биологии вопросы, от которых те, краснея от неловкости, беспомощно разводили руками. Это было не просто хобби — это было глубокое, почти одержимое стремление, жажда познать человека изнутри, разобрать его на атомы и собрать заново.

Именно эта страстная любовь к анатомии и точным наукам позже, подобно путеводной звезде, поведёт её в медицину и далее — в Академию клинической психологии. Ведь

чтобы понять душу и её загадочную соматику, нужно сначала понять тело — тот храм, в котором она обитает. Скажем прямо, эти две науки неразрывно связаны друг с другом, как две стороны одной монеты, как близнецы, говорящие на одном языке жизни.

Позже, повзрослев, она открыла для себя египтологию — не как скучный школьный факультатив, а как тайный ключ к мирозданию. С головой уйдя в тему вечных пирамид Гизы, она часами, забывая о сне и пище, изучала их божественные пропорции, вычисляя, как древние строители уместили в камень знания о звёздных циклах, о прецессии равноденствий и дыхании Земли. Величественный Сфинкс, с его немой, пронзающим вечность взглядом, обращённым в эпохи, казался ей не статуей, а живым хранителем — и она кожей чувствовала, всем своим существом: он ждал именно её, её пробуждения, её вопросов.

В те же годы она стала писать стихи. И нужно отметить — на очень высоком и профессиональном уровне для её юных лет. Её строки дышали не подростковой меланхолией, не дешёвой рифмованной драмой, а древней, не по годам зрелой мудростью, будто душа её прожила не одну жизнь и помнила то, чего не знают живые. Особенно её влекла поэзия Лермонтова — мятежная, горная, свободная. «Мцыри» стал её манифестом, её камертоном, который она до сих пор помнит наизусть, как священную молитву: «И с этой мыслью я засну — и никого не прокляну». Она учила наизусть огромные поэ-

мы, произнося их шёпотом перед сном, как тайные заклинания, как обереги от серой обыденности, наполняя свою келью музыкой русского стиха.

А потом пришли они... волшебные цвета. Не краски на палитре, не радуга после дождя, а живые, дышащие сущности, просочившиеся в её мир сквозь невидимые щели бытия. И так открылся для неё мир музыки — не как холодная дисциплина, не как череда скучных гамм и сольфеджио, а как синестезия бытия, как таинство, доступное лишь избранным. Не зная нотной грамоты и не корпя над учебниками, Амалия обладала невероятным, абсолютным слухом, но главное — она видела звуки. Каждая нота имела свой цвет, свою душу: до — золотисто-янтарный, тягучий и тёплый, словно мёд, стекающий по сотам; ми — пронзительно-синий, как немыслимая глубина Байкала или отточенная грань драгоценного сапфира; соль — пурпурный, торжественный и тревожный одновременно, как закат над Уральскими горами, умирающий в объятиях ночи. Просто закрыв глаза и представив эти краски, позволив им течь сквозь неё цветным потоком, она могла сыграть любую мелодию — в точности, с дрожью, с дыханием, с болью или ликующей радостью, как будто музыка жила в ней задолго до того, как её пальцы впервые коснулись клавиш, как будто она была не человеческим творением, а воспоминанием души о потерянном рае.

Как писал физик и мистик Нильс Бор, один из отцов-со-

здателей квантовой теории, сам восхищавшийся древними символами и герметической мудростью: «Великие истины — это те, чьи противоположности также являются истинами». Именно так и жила Амалия: между наукой и поэзией, между скальпелем анатома и молитвой, между трепетной нотой и живым цветом — в том удивительном поле, где всё связано незримыми нитями и где каждый акт творчества — это не жест, а молитва квантовому полю, посылаемая в бесконечность.

После окончания школы начался институт — не просто как очередной этап учёбы, а как переходный ритуал, шаманское посвящение в новое измерение жизни, где девочка с Урала, выросшая на пылких стихах Лермонтова, на бездонной философии Достоевского и картах человеческих тел, превращалась в женщину, чьё одно лишь присутствие меняло пространство вокруг, заставляя его вибрировать иначе. Этот путь перетекал во взрослую жизнь плавно, но неумолимо — как полноводная река, что наконец-то нашла своё истинное русло после долгих и изнурительных поисков среди скал и ущелий.

Успех и фарт сопутствовали ей — не как случайные, капризные гости, а как верные, преданные спутники, будто сама Вселенная, восхитившись, отметила её внутреннюю целостность и откликнулась внешним изобилием. Особенно ярко это проявилось после её самой первой поездки за границу, ставшей инициацией.

И этой страной стала далёкая, зовущая Австралия — не просто как географическая точка на глобусе, а как портал, открывшийся в иные миры. Виктория-Стейшн с её величественной Грейт-Оушен-роуд открылась ей как страница древнего эпоса, написанная ветром, солью и бесконечным терпением океана. Там, где океан вечно точит камень, возвышались Двенадцать Апостолов — величественные известняковые скалы, некогда бывшие частью единого могучего утёса, а ныне стоящие поодиночке, словно безмолвные стражи времени, окутанные солёной пеной и криками чаек. Геологи сухо говорят, что эти скалы образовались миллионы лет назад, но местные племена гундитмара и вавуронг издревле верили: это духи предков, охраняющие берег от хаоса, стоящие в вечном дозоре. Амалия почувствовала их — не глазами, а кожей, самой глубиной своего существа.

Потом — парад пингвинов на острове Филлип-Айленд, их трогательные маленькие тела, шагающие сквозь сиреневую вечернюю дымку, словно посланники другого, неведомого нам мира. А вскоре — волшебная Новая Зеландия, земля длинного белого облака, где горы дышат, реки поют, а земля помнит каждое слово, произнесённое на ней с любовью или болью.

К слову сказать, её всегда окружали возможности и изобилие, словно золотистый ореол. Это было её родное поле — не потому, что она гналась за роскошью, высунув язык, а потому что само изобилие резонировало с её внутренним состо-

ниями: она с детства знала, без тени сомнений, что достойна лучшего, и эта несокрушимая уверенность притягивала соответствующую реальность, словно мощный магнит. В этом пространстве Амалия чувствовала себя как рыба в воде — не потому, что любила внешний блеск, а потому, что богатство было для неё лишь инструментом свободы, инструментом помощи людям, которые её окружали, а не самоцелью. Позже это станет частью её благотворительности и неустанной помощи онкологически больным детям.

Как однажды изрёк великий арабский философ и мистик Ибн Араби: «Тот, кто знает свою цену, не торгуется». И Амалия не торговалась. Она не ждала истощно того, кто даст ей мир, — она знала, что придёт тот, чей мир совпадёт с её внутренним светом, как две половины единого целого.

Но, как и в любой великой истории, она тоже проходила свой земной опыт — не в бесплотной сказке, а в уязвимой женской плоти, в изнурительных трудовых буднях, в той пронзительной тишине, которую не все умеют выдержать. Она вышла замуж.

В отличие от своего супруга, наша героиня сохраняла ему верность — не из страха, не из тупого долга, а из внутреннего уважения к себе и к данному однажды слову. А также — из того самого, впитанного с молоком матери, воспитания. К слову сказать, она была поистине замечательной женой: готовила великолепно — не просто утилитарную еду, а настоящие блюда, достойные звезды Мишлен; в доме царил

идеальный порядок — не «больная» клиническая стерильность, а гармония пространства, где дышится легко; в самих отношениях — никаких скандалов, никаких упреков и истерик, только полное спокойствие и окутывающая забота. Её настроение — всегда ровное, солнечное, тёплое, как утренний свет в прованской кухне, пахнувшей лавандой и свежим хлебом. Она не требовала внимания криками и битьём посуды — она создавала атмосферу, в которой, казалось, можно дышать свободно и жить вечно.

Но именно в этом — в отсутствии драмы, в отсутствии изматывающих «эмоциональных качелей» — и крылась невидимая беда. Для супруга, привыкшего к адреналину, к постоянной игре, к той «страсти, что кипит и требует жертв», — такая стабильность со временем стала пресной, скучной. Тишину, которую она считала своим святым даром, своим величайшим достижением, он воспринял как отсутствие яркой эмоциональной жизни, как вакуум.

И однажды он нашёл себе дешёвое «приключение» — роман на стороне, быстрый и яркий, как вспышка фейерверка, пахнущий перегаром и ночными гулянками.

И на этом — точка в их союзе была поставлена одним днём. Одним ударом сердца.

Не после долгих, выматывающих разговоров. Их не было. Дверь Амалия захлопнула перед его носом.

Не после попыток вернуться, не после слёзных покаяний. Хотя он ползал в ногах и исходил мольбами.

А сразу. Молча. Хладнокровно.

Потому что есть на свете такие вещи, которые она не прощает.

Не хочет прощать. И считает это единственно правильным — для себя и для своего ребёнка на тот момент.

И в принципе — не может, ни как иначе, по своей жизненной позиции, выкованной из уральской стали и чистого золота.

Измена и предательство — для неё не «ошибка», не «слабость», не банальный «кризис среднего возраста». Это — финальный аккорд. Тот, после которого даже эхо не возвращается, замирая в вечности.

Как писал Марк Аврелий, император-стоик: «Ты имеешь право на свою жизнь. Но не на её разрушение ради чужой слабости».

И она выбрала — себя. Выбрала без колебаний, встав из пепла, как феникс, расправив опалённые, но несломленные крылья.

Она стала заниматься спортом — не ради призрачной кра-

соты, не ради восхищённых взглядов в спину, а ради абсолютной, ничем не замутнённой власти над своим телом, которое так долго было полем битвы, изрытым воронками чужих предательств. Каждый день опять начинался с воды — бассейн, пахнувший озоном и решимостью. Ни одного пропущенного утра, ни одной поблажки: ровно в 7:15, когда город ещё потягивается в полусне, она уже скользила в прохладную, упругую гладь, и впереди лежали пять километров — не наказание, а освобождение, метр за метром выковывывающее новую суть. Ни одной отговорки, ни одного торга с собственной слабостью. Вода опять, как и в далёком школьном детстве, стала её стихией очищения, жидким зеркалом преобразования: в ней она плыла не только телом, но и душой — вымывая липкий страх, жгучий стыд, удушливое чувство вины, оставляя их растворяться в хлорированной синеве, утекать в слив вместе с отжившим.

Лишние килограммы, накопленные в глухие моменты стресса и в отчаянных заеданиях жизненной несправедливости шоколадом, ушли — не по волшебству, не по мановению палочки, а через суровую и священную дисциплину, через каждое стальное «нет» слабости и каждое трепетное «да» себе. И постепенно, шаг за шагом, она привела себя в идеальную форму — не только внешнюю, радующую глаз гармонией линий, но и внутреннюю, где больше не было ни одной тёмной комнаты. Тело стало храмом, сияющим чистотой, а не клеткой. Полное, осознанное табу на алкоголь, отсутствие

курения и каких-либо иных разрушительных привычек — она берегла себя, как драгоценный сосуд, в котором зреет великое вино.

Она занялась поисками себя — через аффирмации, что звучали на рассвете, словно древние молитвы, обращённые к самому сердцу мироздания: «Я свободна и достойна любви без условий». «Моя сила — во мне, и я больше не отдаю её никому». Она шептала их, глядя в свои же глаза в зеркале, и мир начинал вибрировать в ответ, подстраиваясь под эту новую, несокрушимую частоту. Через свои же авторские медитации, где тишина наконец-то училась говорить на языке забытых предков, бесшумно распускаясь в душе, словно лотос. Через гипно-медитации, погружаясь в трансовые глубины, где она, словно отважный водолаз, возвращала себе украденные кусочки души — те, что, возможно, ещё оставались блуждать в незакрытых дверях и одиноких, продуваемых сквозняками комнатах прошлых отношений, в обещаниях, которых не сдержали, и в слезах, что ещё, возможно, удерживались на ресницах, как напоминание о той части травмирующего прошлого. Но такого важного. Такого нужного. Того бесценного опыта, тех великих учительских уроков и кристально ясных выводов, которые она делала для того, чтобы понять, как же ослепительно-прекрасна жизнь в каждом прожитом дне, в каждом вдохе, отпущенном свыше.

И для этого она ушла — на четыре долгих, наполненных лишь собой года, — полностью из отношений с противополо-

ложным полом, в добровольную и осознанную аскезу. Не из горечи, не из обиды на весь мужской род, а из пронзительной ясности ума. Из понимания, что нужно время, что бы разобраться в себе до самого доньшка, чтобы не переносить тяжкий груз прошлого опыта, словно битый чемодан с чужими вещами, на плечи нового, ни в чём не повинного партнёра. Потому что это — самая великая честность перед собой в первую очередь, когда ты идёшь в отношения не как возможность убежать, спрятаться или закрыть свои зияющие травмы, а как взрослый и осознанный выбор души, совпавшей с другой душой.

За это время аскетизма, проведённое в тихой гавани самосозерцания, Амалия чётко, словно высекая на граните, поняла, какого мужчину она хочет видеть рядом: не просто богатого, не просто ослепительно красивого — хотя материальное положение, безусловно, является одним из важных факторов, как зримый символ ума и мужской силы, — но того, чья душа излучает ту же частоту, что и её. Человека, для которого любовь — это ветер свободы, а не золотая клетка обладания; партнёрство — не иерархия подчинения, а танец со-творчества; близость — не эгоистичное потребление, а бережное, трепетное раскрытие и взаимное дополнение друг друга, как две части единого пазла.

И у неё самой перед глазами стоял такой яркий, живой пример в её собственной семье — между мамой и папой, между её родным братом и его избранницей. На этом всём

божественные истории любви в её окружении заканчивались. И так же, вдоволь наглядевшись на печальные, разбитые судьбы своих многочисленных пациентов, она чётко понимала: если и есть такой мужчина, то, наверное, он обитает на другой планете, в иной звёздной системе, слишком далёкой от этой. Её начитанный, многогранный внутренний, да и внешний мир, переливающийся всеми оттенками сложности, невозможно просто вместить в узкие, тесные рамки стандартных мужских границ.

Поэтому тема отношений — та самая, что когда-то была её любимой, зачитанной до дыр книгой, с потрёпанными, тронутыми временем страницами и закладками из пожелтевших надежд, — была аккуратно, почти бережно убрана на самую верхнюю полку книжного шкафа. Без гнева. Без сожаления. Просто — не сейчас.

Она не оставила шансов ни миру, ни мужчинам. Проработала все страхи, заштопала каждую душевную прореху и спокойно, по-взрослому договорилась со своим одиночеством, сделав его не врагом, а молчаливым другом. И в этом решении, словно выкованном из титана, была не гордость — а глубочайшая, всеобъемлющая любовь к себе, которая, как писал просветлённый мистик Ошо, «Начинается тогда, когда ты перестаёшь искать кого-то, кто спасёт тебя от одиночества — потому что ты уже дома. Ты уже прибыл».

Амалия — так звали нашу героиню — родилась на Урале, в краю, где зима дышит вечностью, где сугробы вздыма-

ются белоснежными шапками к самому небу, задевая пухлыми вершинами низкие, свинцовые облака, а ветра поют свои протяжные, почти шаманские песни, завывая в щелях обшарпанных, выдавших виды домов военного городка XIX века, притаившегося под Свердловском. Это было сложное время — не только для огромной страны, дышавшей в тесных рамках серого, строгого порядка, но и для самого города, окутанного незримой пеленой тайны и сковывающего душу страха.

Именно в 1979 году, когда сибирская язва, словно немой, безжалостный призрак, опустилась на Свердловск, унеся жизни десятков людей и заставив власти замалчивать леденящую правду на долгие, томительные годы, на свет появилась она — румяная, щекастая, с глазами цвета зимнего уральского неба, в которых, казалось, уже тогда мерцало что-то древнее, непокорное и не поддающееся никаким классификациям, словно осколок далёкой звезды.

В Советском Союзе того времени не принято было давать детям необычные, вычурные имена. Мир был выстроен на стандартах, на чётких, как по линеечке, универсалиях: Наташи, Оли, Маши — имена, как серая форма, как часть единой, безликой системы. Но родители Амалии — отец, статный военный офицер с выправкой потомственного служаки, и мать, старшая медсестра в городской больнице Свердловска, женщина с мягкими руками и нестигаемым внутренним стержнем, — люди со скрытой, глубоко запрятанной роман-

тикой, в один из тихих вечеров, накануне родов, смотрели трофейный фильм «Последний рейс Альбатроса», снятый в Советском Союзе в далёком 1971 году, о храброй русской разведчице, действовавшей в тылу врага с грацией пантеры. Героиню звали Ютта — но для них это имя отозвалось иначе, переплавившись в более мягкое, певучее «Амалия». Редкое, почти экзотическое, оно звучало как мелодичный вызов повседневности, как колокольчик среди грохота. И в этом имени они слышали знак свыше, благословение небес.

Так и пошло по земле это волшебное имя — не просто как метка в паспорте или принадлежность к роду, а как знамя, развевающееся на ветру. Совершая свой торжественный ход под холодными, пронизывающими ветрами Севера, под яркими сполохами северного сияния предков, под тяжёлым, почти давящим величием молчаливых уральских гор, хранящих в своих недрах седую память о славянах и их тайных магических обрядах, имя это вплеталось в её судьбу золотой нитью.

Жизненный путь Амалии оказался наполненным головокружительными взлётами и сокрушительными падениями — не случайными, не хаотичными, а инициатическими, как ступени посвящения. Предательствами, за которыми, словно за уродливыми масками, скрывались великие уроки верности себе. Интригами, отточившими её врождённый дар видеть людей сквозь маски, словно рентгеном просвечивая лживые оболочки.

Но всё это — лишь пролог к симфонии.

Потому что её настоящая история — это путь к своей истинной любви: не к человеку как к якорю или спасательному кругу, а к союзу, освящённому самой Вселенной, где двое идут рядом, не теряя себя и не растворяясь друг в друге без остатка. Путь к настоящей мистерии — не к затхлой тайне за семью печатями, а к живому, трепещущему таинству, в котором любовь становится полем, где рождаются миры и вспыхивают новые галактики, закручиваясь в бесконечном вальсе.

И в этой волшебной, сказочной истории — не вымышленной, а реальной, той, что была забыта её сознанием, но терпеливо ждала в тёмных чертогах подсознания, когда она, Амалия, Берегиня, вновь раскроет свои уста и начнёт старательно, с трепетом жрицы, записывать её для мира — каллиграфически, буква за буквой, завиток за завитком, выдыхая жизнь в каждую чернильную линию, — на бумаге, в сердцах, в бескрайнем квантовом поле возможностей. Как говорил великий русский поэт и мыслитель Константин Бальмонт, чья душа была соткана из солнечных лучей: «Я пришёл в этот мир, чтобы видеть солнце... и чтобы никто не был забыт».

А Амалия пришла — чтобы восстановить свет, начав с себя. Собственно, как и путь любого человека в познании этого мира, должен начинаться с пристального, честного изуче-

ния и понимания себя.

Глава 1. Самолёт

Амалия сидела в самолёте, откинувшись в кресле и позволив мыслям течь свободно, словно горному ручью. За иллюминатором проплывали ленивые кучевые облака — мягкие, пушистые, как воспоминания после долгой, целительной медитации, как невысказанные слова, застывшие в небесной сини. Заходящее солнце, словно невидимый художник, опьянённый собственной гениальностью, вылавливало их своими рассеянными, дрожащими лучами, окрашивая небо в оттенки чистейшего волшебства: от нежно-небесного, почти младенческого, до насыщенного, густого апельсинового у самой кромки горизонта — можно сказать, почти огненного, пылающего, как у самого края света, где рождаются легенды. Этот мягкий, переливающийся градиент — не просто игра света и оптический обман, а вполне зримое, трепетное напоминание о том, что даже в самых обыденных, казалось бы, моментах Вселенная неизменно продолжает писать свою вечную, нерифмованную поэзию, доступную лишь тем, кто не разучился видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.